

А КТО ЭТОТ ЭТОТ? ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ¹ WHAT IS THIS *THIS*? PROPER NAMES AND INDEFINITE DEFINITENESS

Б. Л. Иомдин (*iomdin@ruslang.ru*),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. С. Бердичевский (*alexberd@yandex.ru*),
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сочетания «*этот* + имя собственное» (*Мне сообщили, что вчера в ресторане убит этот Юрий Юрьевич Леонович!*) интересны тем, что детерминант указывает на меньшую определенность вполне определенного референта ИС в мире говорящего. Рассматриваются семантические и прагматические свойства таких употреблений.

Этот Петров тоже существовал в Ленинграде, но никакого отношения к Хармсу не имел, и Хармс, может быть, даже никогда в жизни его не видел, а речь там шла про Иванова.

(Из выступления Владимира Глоцера)

Введение

Предмет настоящей работы – сочетания указательного местоимения *этот* с именами собственными, в первую очередь – с наименованиями людей². Ср.

- (1) – *А эта Шура, которая приходила, его жена?* – кивнул Штерн на дверь (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей)
- (2) *Литературный кружок у нас вел Иван Дмитриевич Волошин <...> Я тогда читала отрывок из "Молодой гвардии". Он начинался со слов: "Мама, мама, я помню руки твои..." После вечера моя мама спросила: "А этот Иван Дмитриевич – ваш классный руководитель?"* («Учительская газета»)

В поле нашего зрения такие сочетания попали из-за своей кажущейся парадоксальности: ожидаемая «двойная определенность» (указательное местоимение плюс имя собственное) на самом деле оказывается недостаточной определенностью.

Действительно, функция определенности есть «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации» [Николаева 1990: 349]. Иначе говоря, определенность связана с уверенностью участников диалога – говорящего и/или слушающего – в том, что имеется в виду какой-то один из возможных референтов имени. Неопределенность же возникает, когда такой уверенности нет.

Один из способов разрешения неопределенности – указательные местоимения, в частности, местоимение *этот*. Они создают или повышают определенность. Ср.

- (3) – *Дай мне яблоко!*
– *Какое яблоко?*
– *Это яблоко.*

Собственные имена, очевидным образом, более определены, чем нарицательные. Прототипически они имеют ровно одного референта. «В самом деле, такие имена собственные, как *Сервантес*, *Наполеон*, *Мон-Блан*, в противоположность таким существительным, как *волк*, *дерево* или *город*, представляют собой «классы, состоящие из одного объекта» [Курилович 1962: 252].

Заметим, впрочем, что такая идеальная картина имеет место далеко не всегда, и имена собственные во многих ситуациях также имеют более одного референта, что может приводить к не(до)определенности. Ее также

¹ Б. Л. Иомдин хотел бы выразить благодарность за финансовую поддержку Фонду содействия отечественной науке. Работа выполнена при частичной поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН "Русская культура в мировой истории".

² В работе использованы примеры из машинного корпуса текстов Сектора теоретической семантики ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и материалы Интернета.

могут разрешать указательные местоимения. Ср.

- (4) *Кто такой Плеханов? Кажется, есть какой-то министр. Нет, тот – Плешаков. Плеханов, Плеханов... Тьфу, господи! Так это ж тот Плеханов, который марксист! Но <...> этот Плеханов умер в Петрограде в 1918 году* (А. Азольский, Лопушок).

Проблема

Однако существуют случаи употребления собственных имен, в которых какая бы то ни было неопределенность референта исключена, и тем не менее при таких именах присутствует местоимение *этот*. Ср.

- (5) *Сергей Сергеевич Иванько просит улучшить его жилищные условия и присоединить эту комнату к его квартире. Опять не легче. Что же, этот Иванько очень нуждается? У него плохая квартира?* (В. Войнович, Иванькиада)
- (6) – *А этот Туманов давно у нас работает? – Сколько нужно, столько и работает. Толковый парень* (М. Баконина, Девять граммов пластита)

Возникает ли в таких ситуациях какая-то дополнительная, двойная, гиперопределенность, полное уничтожение неопределенности? Отнюдь нет.

Оказывается, что, напротив, в большинстве случаев такие конструкции маркируют недостаточную определенность. По нашим данным, они чаще всего употребляются в ситуациях, когда с референтом имени собственного лично незнакомы (или плохо знакомы):

а) говорящий; ср.

- (7) *Один психиатр спрашивает другого:*
– Ну, как *этот Иванов* – твой пациент с манией преследования?
– *Черт знает что! Мы закончили курс лечения, вышел он из больницы... И его сразу киллер застрелил!* (Анекдот)
- (8) *В сущности, я ведь ничего не знал об этом Юрии Юрьевиче – кто он и что он* (Ф. Незнанский, Ярмарка в Сокольниках)

б) или слушающий; ср.

- (9) *Всю работу тащил дровня Васена, да еще помогал шофер Аникеев, работавший на ганчуковской "Победе" через день. Этот Аникеев, пожилой мрачноватый мужик, сам был когда-то, в довоенные времена, небольшим начальством, но погорел за что-то* (Ю. Трифонов, Дом на набережной)

в) или участники ситуации; ср.

- (10) *Несколько дней полицейский пристав приходил к Казанцеву, а потом расспрашивал и некоторых актеров, кто такой этот Петров, кто с ним знаком из труппы, но знакомых не нашлось, и, действительно, никто из нас не знал его* (В. Гиляровский, Мои скитания);
- (11) *Когда в 1983 году ушел из жизни писатель Юрий Казаков, в дневниках его обнаружилось множество записей о человеке по имени Жан. <...> Но кто этот самый Жан? Те, у кого об этом спрашивали, такого не помнили* («Известия Казахстан», № 164, 2005)³

Более того, возможны контексты, когда референт не просто не определен, а вообще отсутствует в реальном мире. Ср.

- (12) *И Юрий Никулин, и все его соученики были просто зачарованы этой историей, и они всю жизнь потом мечтали найти этого Мишо, а там так рассказывалось, что он выступает раз в году, билеты раскуплены на год вперед, все ждут этого, и увидеть его необычайно сложно. Оказалось потом, что его не существует, этого Мишо. Все это педагог выдумал* (Сайт Ольги Арефьевой)

Заметим, что во многих случаях такое *этот* практически обязательно. Это подтверждается проведенным нами мини-экспериментом. В нем информантам предлагались отрывки из художественной литературы и сообщалось, что в некоторых из них пропущены детерминанты перед наименованиями людей. Большинство пропусков информанты обнаружили. Ср. *Как раз сидел там за бесчинство и драку один английский матрос по фамилии Бриггс; так Бриггс из той камеры напрямик на Формозу подался, миссионером, и, я потом слышал, сподобился мученической смерти* (в этой фразе 100% информантов восстановили пропущенный детерминант в

³ Некоторые семантические и прагматические различия между *этот* и *этот самый* в интересующих нас контекстах, очевидно, присутствуют, однако уточнить и адекватно описать их нам пока не удалось. Отметим, что их почти полная взаимозаменяемость подтверждается и носителями, по данным нашего мини-эксперимента (см. ниже). Любопытно, однако, что отношение количества употреблений *этот самый* к именам собственными к количеству всех употреблений *этот самый* гораздо больше такого отношения для *этот*.

нужном месте).

Ср. также примеры (13)–(20):

(13) *А кто этот Иван Иванович?*

(14) *А кто Иван Иванович?*

Фразы (13) и (14) имеют разный смысл: (14) возможна лишь как вопрос о национальности, профессии и т.п. (ср. английское *What is John?*), тогда как (13) может выступать и в этом качестве, и в качестве вопроса об идентификации, когда спрашивающий просит связать имя с конкретным человеком (ср. английское *Who is John?*; см. также (46)–(47))⁴.

Наличие *этот* желательно и в конструкциях «определение + имя собственное». Ср. (15), (17) и (19) и, соответственно, менее естественные (16), (18) и (20):

(15) *«Где Малышкин? Где этот чертов Малышкин?»* – *взывал вице-спикер к экс-кандидату в президенты* (Сайт «Газета.Ru»)

(16) *Где чертов Малышкин?*

(17) *Да надоел уже этот кретин Никитка со своей уголовщиной!* (Интернет-форум)

(18) *Да надоел уже кретин Никитка со своей уголовщиной!*

(19) *Побежишь на телеграф, как говорил эта дубина Игорь?* (В. Аксенов, Звездный билет)

(20) *Побежишь на телеграф, как говорил дубина Игорь?*

Это явление напоминает так называемую «сверхопределенность» (или «двойную определенность») – обязательное, но, по сути, избыточное употребление свободно стоящего артикля в конструкциях «прилагательное + существительное с суффиксированным артиклем» в скандинавских языках. Ср. примеры из шведского языка, приводимые Н. В. Исакадзе:

(21) *hus-et*
дом-опр.арт.

(22) *det gamla hus-et*
опр.арт. старый дом опр.арт.

В некоторых языках (в частности, в немецком) сходное правило распространяется на имена собственные [Исакадзе 2000: 120].

Дейксис или анафора?

Важно отметить, что у слова *этот*, наряду с основным, дейктическим (указательным) значением, есть по крайней мере еще одно, анафорическое (метатекстовое) значение. Ср. примеры из [МАС]:

(23) *Голос с того берега: – Коля, что у тебя? С этого берега негромкий ответ <...>:*
– *Сом* (А. Н. Толстой, Из охотничьего дневника) [указательное значение]

(24) *Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние* (Пушкин, Капитанская дочка) [анафорическое значение]

Может быть, во всех интересующих нас примерах представлена именно эта, анафорическая лексема?

Как кажется, многие примеры сопротивляются такой трактовке, и слово *этот* не имеет в них метатекстовой функции. В частности, это подтверждается возможностью употреблений вида «*этот* + имя персонажа» при первом же введении персонажа в текст. Ср. (7) или (25):

(25) – *Хаим, слушай, а этот Паваротти, оказывается, так себе!*
– *Ты его слышал?*
– *Да нет, мне Абрам напел* (Анекдот)

Безусловно, в каких-то случаях интересующие нас употребления укладываются в это значение. Ср. примеры (5), (9), (11). Оно характерно в первую очередь для контекстов, непосредственно следующих за введением персонажа в текст: «указательное местоимение в идентифицирующем значении употребляется при имени собственном в тех случаях, когда имя собственное только что введено в фонд знаний говорящего или адресата речи и, по мнению говорящего, еще ощущается недостаточность для идентификации» [Шмелев 1996: 106]. Ср.

⁴ Мы отвлечемся здесь от конструкций вида *А кто такой (этот) Иван Иванович?*, где *этот* можно опустить.

(26) *А действительный член академии астрономических наук профессор Звездочкин <...> говорил, что книга эта – вовсе не книга, а какая-то, как он выразился, чертова чепуха. Этот профессор Звездочкин был не то чтобы какой-нибудь очень сердитый субъект. Нет, он был довольно добрый коротышка* (Н. Носов, Незнайка на Луне)

(27) *Первый... оказывается сыном известного Ивана Родионовича Квашни. Этот Иван Родионович умер в 1390 году* (С. Соловьев, История России с древнейших времен)

Анафорическая лексема *этот* имеет свои синтаксические особенности. Так, лишь она, по-видимому, допускает постпозицию по отношению к имени собственному. Ср.

(28) *Вот тут, поскольку я заговорил о хозяйстве, можно вам рассказать про Татьяну. Она потом много для нас сделала. Татьяна эта была большая, толстая, сильная бабища, вроде каменной бабы с кургана* (И. Грекова, Хозяева жизни)

Более того, с этой лексемой возможна даже конструкция вида «имя + *этот* + фамилия»; ср.

(29) *Ну, а Оля Кузина, чьи косички сердца Колькиного однажды коснулись да так и присохли к нему, – так Оля эта Кузина только с Вовкиного голоса говорить могла* (Б. Васильев, Не стреляйте в белых лебедях)

Во многих случаях определить, какая именно из лексем *этот* – указательная или анафорическая – имеет место, трудно или невозможно; для некоторых примеров допустимы обе интерпретации.

Однако для нас принципиально важно, что обе лексемы тем или иным образом выражают определенность. В самом деле, если указательное *этот* выделяет один референт из множества возможных на уровне ситуации, то анафорическое *этот* также выделяет один референт из множества возможных, пусть на уровне текста.

Гипотеза

За счет чего же возникает наблюдаемый эффект «неопределенной определенности»? Мы хотели бы предложить следующее объяснение.

Сравним интересующие нас конструкции и сочетания лексемы *этот* с именами нарицательными:

(30) *Узнала меня, тетю Софу, <...> а потом безошибочно угадала отца, потому что этот человек обнимал Катерину за плечи* (Б. Штерн, Записки динозавра)

В (30) лексема *этот* выступает в своей прототипической функции, указывая на референта и тем самым повышая его определенность, которая иначе была бы недостаточна для его идентификации читателем.

Рассмотрим теперь такие примеры:

(31) *Семка Костылин едет, Жак-Француз едет, этот, как его... ах, ядрит-твою, все время я его забываю, за Вишвым Бугром живет... тоже едет!* (А. и Б. Стругацкие, Град обреченный)

(32) *А этот тип хам, большой хам... Ну этот самый, лысый, завмаг...* (В. Леви, Искусство быть другим)

Здесь *этот* <этот самый> в сочетании с метатекстовыми элементами типа *как его* указывают на трудности с номинацией, которые испытывает говорящий вследствие недостаточного знакомства с описываемым персонажем⁵. В этих случаях также налицо не избыточная, а недостаточная определенность. Ср. английские разговорные лексемы *whatsaname* (<what's his name 'как его зовут?'), *whatchacallit* (<what do you call it 'как это называется?') и т.п.

Наличие имен собственных необязательно означает отсутствие неопределенности. Ср. примеры (33)–(34), где говорящий не уверен в точности номинации; определенность здесь также недостаточная:

(33) *Конечно, она устроит в "Сотби" скандал; у нее все подготовлено, и этот Эдуард, или Эдмонд, которого я никогда в жизни не видел и не знал, наверняка уже там* (Ю. Семенов, Аукцион)

(34) *Потом он этого Фивейского или Флавицкого видел раза три в квартире на улице Горького, однажды на стадионе "Динамо"* (Ю. Трифонов, Дом на набережной)

Заметим, что отсутствие лексемы *этот* в примерах (33) и (34) кардинально меняло бы их смысл: тогда дизъюнкция тут относилась бы не к именам, а к референтам.

Сочетания лексемы *этот* с именами собственными возможны и в случаях, когда говорящий уверен в точности номинации, однако не уверен в ее уместности или выражает пристрастное (чаще негативное) отношение к номинации:

⁵ Ср. также употребления *это самое* и (реже) *этот самый* как «слов-паразитов», указывающие на трудности при подборе слов: *Ну, – сказал Пресняков, – этот самый. Можно нам идти? – И заведующий лабораторией потащил Серафима к выходу* (В. Шаламов, Серафим).

- (35) – Не помню. Их несколько, которые, уезжая, попросили мою фотографию и автограф.
– Я напому: Момчило, или Мома, или, как вы его прозвали, Чило, и теперь **этот ваш Чило** сидит в белградской тюрьме (Т. Окуневская, Татьяна день)
- (36) В трамвае я спросила у одного из пассажиров, не скажет ли он, когда будет эта остановка. Он посмотрел на меня с раздраженным изумлением и ответил: "Что это за Фридрендис! Был Фридрих Энгельс, должно быть, вы не знаете, кто он, **этот ваш Фридрендис**. Культура, ничего не скажешь! А на вид интеллигентная девушка. Через три остановки сойдете на улице имени Фридриха Энгельса" (А. Ларина-Бухарина, Незабываемое)

Сходная функция лексемы *этот* в сочетаниях с именами собственными – снижение пафоса высказывания. В частности, этот тип употреблений ярко проявляется в случаях, когда референт имени – широко известный персонаж, в определенности которого нет сомнений⁶. Ср.

- (37) – Бунин? – переспросил Трюмо. – Знал я **этого Бунина** в Грассе. Все писал чего-то. <...> Бывало, пишет, пишет... И чего, думаю, пишет? (С. Довлатов, Иная жизнь)
- (38) – За что **этот Пушкин** любил листопад? – удивляется плотная дворничиха Рауса («Автопресс»)

Действительно, словосочетание *этот Пушкин*, вообще говоря, невозможно в обычной ситуации⁷. Этим объясняется комический эффект в примере (39), где героиня обнаруживает незнакомство с Пушкиным:

- (39) – Читали стихи и говорили: Во здорово! Во дает! Ай да Пушкин! Ай да сукин сын! А если чего не нравилось, говорили: чушь собачья, бред сивой кобылы. Вот так, в общем, определяли. Она **этого тоже не поняла** и попросила рассказать, о чем примерно писал **этот Пушкин** (В. Войнович, Москва 2042).

Ср. характерную реакцию на такое употребление в (40):

- (40) – Но **этот Иван Ильин** ставит все с ног на голову.
– **ЭТОТ Иван Ильин** – вообще-то, один из самых выдающихся русских философов современности (Интернет-форум)

Зачастую таким образом выражается негативное отношение и к самому референту⁸. Ср.

- (41) – А что, Галочка, пойдем в пятый "Б", а то и в самом деле уйдут, – сказала она и остановилась. Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.
– Но ведь нам сказали сначала в пятый "А", – заупрямилась **эти Галочка** и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую. Я даже не посмотрел в ее сторону, показывая, что никто и не думает считать ее взрослой (Ф. Искандер, Тринадцатый подвиг Геракла).

В таких случаях также нередки сочетания *этот твой*, *этот ваш* (но вряд ли *этот мой*, *этот наш*); ср. (35)–(36) и

- (42) ...О том, какое вампирическое зло **этот ваш ЖЖ** («Русский журнал»)
- (43) **Этот твой Ванечка** махинации устраивает с бензином (Ф. Искандер, Должники)
- (44) – И чего он только пьет, **этот ваш Илья**? – ворчала Марфа, сердито убирая пустой самовар со стола. – Дорвался до господского чая, рад ведро вытить (Д. Мамин-Сибиряк, На реке Чусовой).

Такие употребления воспринимаются как пейоративные: говорящий демонстрирует, что как бы плохо знает или помнит референта, и отказывается числить его входящим в свою личную сферу.⁹

Интересно также отметить случаи, когда лексема *этот* функционирует непосредственно как имя собственное, что, конечно, также имеет оттенок пейоративности и выражает негативное отношение говорящего:

⁶ В имени, "захватившем" широкий социум, все остальные возможные денотаты подавляются, и обычный человек по фамилии, например, Пушкин не раз испытает на себе печальные последствия этого факта» [Рут 2001].

⁷ Возможны также употребления вроде *Суворов – этот Пушкин военной культуры – наш немеркнущий светоч и бессмертный учитель* («Российский военный сборник»); *Но советской власти нужен был Пушкин другой, не тот, которого изучали гимназисты до 1917 года. И он, этот Пушкин, был создан гением «советского литературоведения»* (Архив газеты «Слово»). В них *Пушкин* сближается с именами нарицательными. Ср. в связи с этим точку зрения А. Д. Шмелева: «Указательное местоимение может использоваться для идентификации референта в случаях, когда имя собственное употреблено в метафорическом (т.е. неидентифицирующем) значении (и референт не совпадает с носителем имени): местоимение в этом случае также служит показателем метафорического употребления» [Шмелев 1996: 106].

⁸ Сходное наблюдение на материале немецкого языка высказано в работе [Шенкнехт 2002].

⁹ Любопытно сравнить наши наблюдения с данными [Head 1978]: «В языках, в которых есть грамматическая категория определенности/неопределенности, уважение выражается также посредством снижения определенности; замена личных местоимений возвратными и указательными местоимениями <...> выражает уважение или увеличение социальной дистанции» [Head 1978: 190–194; цит. по Карасик 1992].

- (45) – Нет, тут нужен свидетель, чтобы все по закону было, – возразил Шерлохемец. – Пойдем к Лизе, больше не к кому. Не к взрослым же идти.
– Ну, к *Этой* я в комнату не пойду, – решительно сказал я. – Ты же знаешь, я с *Этой* не разговариваю.
<...>
Едва Лиза вошла в комнату, и едва Шерлохемец объяснил ей, в чем дело, она презрительно сказала: – Ну, где уж *Этому* ходить по карнизам! Из него от страха цикорий посыплется!
(В. Шефнер, Счастливый неудачник).

Заключение

Итак, назначение употреблений *этом* с именами собственными – маркировать недостаточную определенность, малоизвестность, незакрепленность референта в мире говорящего и/или слушающего. Как показано выше, это вполне характерно для лексемы *этом*. Сочетания лексемы *этом* с именами собственными обычно маркируют тот факт, что говорящий лично не знаком с их референтами и, следовательно, не готов употреблять точных номинаций.

Говорящий может также эксплуатировать этот эффект, придавая высказыванию оттенок пейоративности, демонстрируя отчужденность от номинации и/или ее референта.

Как можно видеть из многих примеров, употребляя лексему *этом*, говорящий показывает, что повторяет номинации, использованные собеседником или другими людьми. Это явление, неожиданным образом, сближается с так называемой косвенной эвиденциальностью (пересказывательностью), во многих языках выражающейся грамматически; см. о ней [Козинцева 1994] и др.

Как представляется, наши наблюдения могут быть применены в нескольких областях прикладной лингвистики.

Так, множество работ посвящено проблеме автоматического определения референтов, что необходимо, в частности, для задач извлечения информации из текста и построения баз знаний различного назначения. Для этого применяются различные методики, в том числе, основанные на вычислении референциального расстояния [Givón, Talmy 1983; Kibrik, Krasavina 2005]. В таких исследованиях может оказаться полезным учитывать существование описанных нами конструкций.

Кроме того, информация о недостаточной определенности или незакрепленности референта в мире говорящего и/или слушающего, извлекаемая из анализа данных конструкций при обработке текста, может быть внесена в базы знаний, использована в лингвистической экспертизе, при автоматическом реферировании и т.п.

Наконец, конструкции с *этом* представляют собой определенную проблему при переводе: не так просто найти для них эквиваленты в других языках (особенно при переводе на языки, где есть грамматическая категория определенности). Ср. (46) и (47) – представляется сомнительным, чтобы перевод полностью передавал смысл оригинала:

- (46) «А что за человек *этом* Пугачев?» – спросила комендантша (А. С. Пушкин, Капитанская дочка)
(47) “Who is Pougatcheff?” asked the Commandant's wife (Marie, A Story of Russian Love.
Пер. М. де Зиелинской).

Литература

- Исакадзе Н. В. Влияние принципа смежности на морфолого-синтаксическое оформление именных групп // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. Том 1. С. 120–126.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т., 1992.
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. №3. С. 92–104.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 251–266.
- МАС – Словарь современного русского языка в четырех томах. М.: «Русский язык», 1981–1984.
- Николаева Т. М. Определенности–неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. №20
- Шенкнехт Т. В. Локализация немецких антропонимов в коммуникации // Педагогический университетский вестник Алтай. 2002. № 4.
- Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере: Ун-т Тампере, 1996.
- Givón T., Talmy L. *Topic Continuity in Discourse: a quantitative cross-language study*. Amsterdam: John Benjamins, 1983.
- Head B. F. *Respect Degrees in Pronominal Reference // Universals in Human Language*. J.H. Greenberg (Ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. Vol. 3. P. 151–211.
- Kibrik A. A., Krasavina O. N. *A Corpus Study of Referential Choice: The Role of Rhetorical Structure // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2005 (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.)*. М.: Наука, 2005. с. 561–568.